

Александра Куранова

Радоница души. Кровная связь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александра Куранова

Радоница души. Кровная связь

«Автор»

2026

Куранова А.

Радоница души. Кровная связь / А. Куранова — «Автор», 2026

Продолжение истории Рады — девушки, чья жизнь навсегда изменилась после принятия древнего дара. В новой части трилогии "Хранители традиций", героиня продолжает свой путь Проводника между мирами. Её дар крепнет, а связь с миром Нави становится всё глубже. Ведь не только в ней пробудился древний дар. А ещё Велес - её наставник, защитник и чертовски обаятельный молодой казак. С каждым днем она видит в нем всё больше привлекательного и надежного. Но девичье сердце ещё хранит прошлые обиды. Попытки Рады разузнать хоть что-то о своих родителях, приводят её в станичный архив, где ей в руки попадает старое письмо, раскрывающее тайны её прошлого, её родителей, её природы. Как известно, кровная связь крепче любых обид, обещаний и надежд. Но что если эта связь вдруг обернётся против тебя самого? И Рада снова оказывается перед выбором: Принять ли Его? Принять ли правду о себе? Принять ли Её? Ведь в решающий момент на кону оказывается гораздо больше, чем просто любовь и детские обиды.

© Куранова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Благословение и предупреждение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александра Куранова

Радоница души. Кровная связь

Глава 1. Благословение и предупреждение

Её взгляд впился в чужое отражение в зеркале: всё те же прямые чёрные волосы, только они больше не блестели, все те же синие глаза, только уже равнодушные и колючие. Прядки волос дернулись, привлекая её внимание:

«Что это? Они что...? Шевелятся?! — руки метнулись к волосам, приглаживая непослушные пряди. — Кажется и глаза стали ярче... Но разве так бывает?» — она рассматривала себя чужими холодными глазами.

Дрожащие пальцы скользнули по белому, почти прозрачному лицу:

«Такая холодная...» — но рука тут же одернулась — под кожей словно пульсировало что-то само по себе. Сердце заколотилось, заглушая все звуки — то ли от страха, то ли от любопытства.

Подойдя к зеркалу еще ближе, она попыталась рассмотреть себя лучше, но отшатнулась от собственного дыхания — оно оставило морозный след на зеркале и то тут же потрескалось.

Попытившись назад, она вздрогнула от скрипа старой половицы — звук был громче обычного. Она замерла на месте прислушиваясь к своим ощущениям. Каждый звук теперь слышался четче — она слышала даже голоса людей, которых не было рядом. С каждой минутой их стоны становились отчетливей, въедаясь в череп и оседая в памяти.

Она понимала, что что-то не так. Что-то изменилось в ней, но она не понимала, что именно.

«Может, я схожу с ума?» — пронеслось в её голове. В панике она рухнула на пол, вцепившись в волосы, и затряслась от беззвучных рыданий. Она пыталась успокоиться — вдыхала носом и выдыхала через рот. Но это не сработало — глаза замутнились от слез. Она задержала дыхание и досчитала до десяти, а затем медленно и глубоко вдохнула.

— Фу! Какая гадость! — она резко вскочила на ноги, будто её подбросило нестерпимой вонью.

Из-под половиц тянуло сыростью и гнилью.

— Что тут сдохло?... Вот дерьмо! Аж блевать хочется!

Рука взлетела ко рту, взгляд метнулся к зеркалу — в отражении что-то дрогнуло. И это были не её движение — отражение в зеркале зажило собственной жизнью. За её спиной пульсировали тени. Это было не просто игра солнечных лучей. Из угла разрасталась тьма Нави.

Резкий поворот — всё как обычно: старый сундук у стены, вышитые рушники на гвозде, икона в углу с потускневшим ликом. Но стоило ей развернуться к зеркалу снова, как страх швырнул её назад.

— Твою ж мать! — выкрикнула она.

Её взгляд застался между зеркалом и дальним углом комнаты. Три сгустка из теней и пустоты смотрели прямо на неё. Это было нечто бесформенное и пульсирующее. Что-то, от чего начинало шуметь в ушах. От чего горло перехватывало, лишая возможности вдохнуть.

Они не были похожи на людей, но угадывались в них какие-то обрывки форм — то рука с длинными пальцами, то изгиб спины, то очертания головы. Они стояли бесшумно и неподвижно, словно ждали команды.

«Я чувствую их..., — она чуть отклонилась в сторону, и вдоль позвоночника ощутила напряжение — Неужели они связаны с со мной?»

Любопытство взяло верх — не отворачиваясь от зеркала, она сделала несколько шагов назад. Половицы под ногами скрипнули через-чур громко и противно. Этот звук тут же разнёсся по всему дому.

Но «гости» продолжали стоять неподвижно, и только в пульсирующем потоке теней сформировались три пары глаз — молочнобелых, без зрачков, холодных, как лунный свет на кладбищенской земле. В них не было жизни и эмоций, но были предсмертные людские страдания.

Их взгляды проросли в её позвоночник. В ушах зазвучали обрывки песен, которые она никогда не слышала, но была уверена, что помнила.

— Вот дерьмо! — выкрикнула она, не в силах больше сдерживаться.

В следующий миг она вылетела из дома, впечатав дверь в косяк с такой силой, что с крыши слетели все птицы. Свет и воздух ударили в голову, рассеяв тьму, но стоны всё ещё звучали в ушах. Она обернулась на дом: окна казались слепыми, дверь была приоткрытой, хотя она точно помнила, что захлопнула её.

В тот день они ушли — исчезли так же внезапно, как и появились. Но где-то в сознании она знала: они вернутся.

Рада нежилась под теплым весенним солнцем в укромном местечке на набережной Тамани, вдали от назойливых туристов, которые уже начали наполнять тихие улочки станицы. Двадцать первое мая, температура воздуха держалась в районе двадцати четырех градусов, вода в заливе слегка освежала. Рада выросла на побережье и привыкла нырять в залив с конца апреля. Поэтому морская вода в пятнадцать градусов была для неё не испытанием, а долгожданным приветствием моря после затяжной и серой зимы.

Она слышала, как мелкая волна ласково плещется о галечный пляж, как с единственной пристани доносилось хрипловатое карканье чаек, как выпрашивали у родителей хоть что-то вкусненькое голосистые дети. Воздух был наполнен сложным ароматом: терпкий запах водорослей, солоноватая свежесть моря и соблазнительная нотка сладких ванильных пончиков, которые только-что испекли в одном из ближайших ресторанчиков. Хотя официально пляжный сезон в станице еще не начался, но набережная уже жила бурной жизнью.

Рада вытянула ноги, ощутив под ступнями россыпь горячих камушков — они прогрелись под полуденным солнцем и теперь приятно обжигали кожу. Однажды кто-то из её городских подруг заявил: «Пляж без песка — полный отстой», но Рада так не считала. Ейто как раз нравилась эта галька: горячая, тверда, при спуске в воду — скользкая. Но она находила в этом природный массаж со вкусом морского бриза и солнечных объятий. Она любила море таким, каким оно было.

Май и октябрь были её самыми любимыми месяцами для отдыха на пляже — без назойливых продавцов с кукурузой, вечно недовольных детей, и шумных толп туристов. Это было её время. Время для размеренных морских прогулок на сапборде, бодрящих заплывов на закате, вечерних променадов вдоль набережной с большим стаканом «шмеля» и конечно же для тех самых кадров на фоне моря — не для лайков, а для души — с подлинным вкусом курорта, а не его эпичной обложки.

Всё в этом моменте было восхитительно. Однако её тревожили мысли о Денисе. Его не было уже вторые сутки, хоть на кануне он и предупредил её, но на душе было беспокойно. «Он мальчик взрослый и свободный. Мало ли какие дела у него? Может это по личному...», — успокаивала себя Рада.

Рада почувствовала: ещё минута — и сгорит под палящим солнцем. Да и к тому же нужно было возвращаться домой — у тёти Маруси на вечер были грандиозные планы, в которых Рада была обязательным участником.

Она нехотя поднялась с подстилки, свернула её в тугой рулон и закинула в сумку. Влажный купальник едва успел подсохнуть, но она всё равно натянула лёгкое льняное платье. Ветер тут же подхватил подол, остужая кожу. Рада бросила последний взгляд на море, поправила тонкий кожаный ремешок с оберегом Чура на запястье, и двинулась домой.

Обычно оберег Чура вешали над входом в дом, чтобы он защищал жилище от воров, лиходеёв, сглаза и наговора. Но сейчас он был нужен Раде ближе к сердцу, пока она не окрепнет и научится самостоятельно защищать себя от неупокоенных. Ведь Чур символизирует границу между Явью и Навью, не позволяя злым духам переступить её. Денис сказал, что она пока слабая, и сама может не справиться с неупокоенными, поэтому он подарил ей маленький деревянный оберег, размером с пятирублевую монету, с изображением человеческой фигурки, которая стоит, уперев руки в бока, и крепко держится на земле. на тонком кожаном ремешке.

Прошло почти три недели, как Рада переехала в станицу, и возвращаться в город ей не хотелось, да и незачем было. Она выставила квартиру в Краснодаре на продажу через агентство недвижимости и периодически отвечала на звонки потенциальных покупателей. За это время ей несколько раз позвонила Марина, а Лена наяривала через день-два. Она болезненно перенесла решение Рады перебраться в станицу, и считала, что просто обязана вернуть Раде здравый рассудок. Поэтому к концу мая собралась приехать к ней в гости и уломать Раду вернуться в город. А Рада тем временем просматривала объявления о работе — хоть деньги на первое время и были, но расслабляться она не собиралась.

Последние дни Рада много времени проводила с Денисом. Целыми днями он учил её контролировать и развивать свою силу. Но так как на сегодняшний день у него были свои планы, в которые он Раду не стал посвящать, она смиренно согласилась выйти на вечернюю прогулку с тётёй.

Тем временем тётя Маруся тщательно готовилась ко Дню Земли. Из покон веков этот день был посвящён Земле как живой матери и кормилице. В ночь перед праздником девушки и женщины шли в поле, плели венки и молили богиню Мокошь даровать счастливую семейную жизнь. Тётя Маруся заранее приготовила цветные ленты и цветы, которые они будут вплетать в венки. В этот раз она готовилась особо тщательно, ведь с ней на праздник пойдёт и племянница.

Когда Рада вернулась из города, Маруся обрадовалась до глубины души. Она поняла — племянница сделала выбор и приняла свою судьбу. Теперь Велес сможет защитить её и от Нави, и от Яви.

Хотя Маруся давно заметила, что Денис смотрит на Раду не только как на проводника, но и как на девушку. В глубине души Маруся понимала, что связь с Велесом это не просто союз, это бремя. И далеко не каждой девушке оно было по плечу. Своей племяннице она такой участи не желала, но препятствовать счастью Рады тоже не хотела. Она все еще надеялась, что Рада испытывает к Денису только благодарность и зарожденную еще в детстве дружбу.

Именно поэтому Маруся уговорила Раду этой ночью прогуляться с ней в поле, помолиться во имя Мокоши, сплести венок и попросить женского счастья.

Маруся расплакалась, когда племянница приехала с чемоданами и попросилась пожить какое-то время. Хоть тётка и настаивала, чтобы Рада оставалась в её доме навсегда, но Рада все же планировала продать квартиру в городе и приобрести жилье в станице.

Вернувшись домой Рада уловила момент пока тётушка ворковала с подругой, и прошмыгнула на чердак. Однажды она уже пыталась прошерстить старые фотоальбомы, но не нашла в них ни единого фото со своими родителями. Тогда тётушка застучала её и отругала за то, что «в старой пыли роется, только грязь разносит». Но даже тогда Рада не позволила себе выска-

зять Марусе что-то в ответ — тётка была для Рады самым родным человеком, и даже в минуты обиды Рада с уважением относилась к тетушке и не позволяла себе грубостей.

«Ну не может же такого быть, чтобы за всю жизнь у брата с сестрой не было ни одного общего фото! — Рада пыталась найти хоть что-то — хоть армейское фото своего отца. Отыскать в доме тетки фото матери, Рада давно перестала надеяться», — добравшись до старых альбомов, которые не успела пролистать в прошлый раз, она начала шустро перебирать черно-белые фото и пожелтевшие страницы.

«Бабушка с дедом..., это тетя со мной на руках..., это я уже в садик пошла..., это какое-то застолье и меня тут все кому не лень на руках держат... Ну как так?! Это что — вселенский заговор?» — пролистав два толстенных альбома и так и не найдя ничего, Рада опустила руки и побрела к тетушке. Её пальцы были серыми от пыли, а внутри было пусто и горько.

«Снова ничего не нашла...», — подумала про себя Рада, и присев на лавку в красный угол дома, начала укладывать в плетенную сумку заготовленные тётёй льняные ленты, нитки и бусы.

Следом в сумку отправились ветки мяты, свежесрезанные васильки, колосья пшеницы, ромашки. Когда тётя Маруся с подругой начали обсуждать Мокошь, в честь которой и организовывался сегодняшний вечер, Рада непроизвольно вспомнила прошлую встречу с этой богиней. Тогда Мокошь показалась ей добродушной и заботливой, но вот баб Женя была другого мнения.

— Маруся, я тебе говорю! — баба Женя чуть не плеснула мимо, торопясь налить чай в термос. — Если её не задобрить как следует, считай, урожая не видать! И это ещё полбеды! Смотри, чтоб худого не приключилось!

Баба Женя была закадычной подругой тётки Маруси. Она была чуть ниже Рады, такая же седовласая, как и тётя Маруся, но немного крупнее. Хоть баба Женя и не обладала никаким даром, но была приучена с детства почитать всех славянских богов, соблюдать традиции и верить в приметы.

— Эй, Женя, брось смуту разводить! — спокойно осадил подругу Маруся. Она хлопнула ладонью по столу, будто ставя точку, и уже с напускной строгостью продолжила: — Ну сама посуди: это ж какой грех надо сотворить, чтоб Мокошь на тебя прогневалась да урожай отняла?

— А я и говорю — очень она привередливая!

Рада слушала старушек в пол-уха. Сейчас её мысли были заняты Денисом. Он что-то недоговаривал ей, и она это чувствовала. Только вот не понимала, о чем он молчал, да и он сам не особо хотел рассказывать. Но от чего-то ей было не спокойно этим днём.

— Ты уж вспомни, что не одну Мокошь в этот день чествуют! — не то спросила, не то напомнила Маруся, аккуратно укладывая в сумку ватрушки с ванильным творогом.

— Да помню я, помню! — баба Женя сразу упёрла руки в боки, будто защищая свою правоту. — Как про Велеса не помнить? Он ведь наш заступник, скотину от любой беды бережёт! Вот у Светки бычок хворал, а потом вдруг встал да побежал. А над хлевом знак Велеса заблестел — вот те крест!

Услышав это имя, Рада невольно дернулась. Она и не знала, что в День Земли чествуют нескольких богов.

— Заблестел, говоришь? — Маруся посмотрела на подругу чуть искоса, с лёгким сомнением. Она крепко хранила тайну Дениса: её могли знать лишь те, чьи глаза видели суть. Для всей станицы и окраины он был просто уважаемым казаком.

— Истинную правду говорю, не вру! — не сдавалась баба Женя.

— Ну коли правду, тогда верю, — спокойно кивнула Маруся и улыбнулась по-доброму, без насмешки.

Рада тут же задумалась, что было бы правильным поздравить Дениса. Ведь выходит это и его праздник. И раз уж она знает Велеса лично, то будет правильным поздравить его. Но как

это сделать? «Денис! Я узнала, что этим днем и тебя чествуют. С праздником! — так что ли?» — несурзные мысли кружились у неё в голове. Она понимала, как нелепо это будет звучать.

Внезапный грохот за печкой оглушил Раду — будто кто-то с яростью разметал поленницу. Несколько бревен с пронзительным скрежетом покатались по полу. Тётушки словно не заметили этого — монотонно продолжали складывать вещи для полевого променада. Их движения были автоматическими, будто их дергали за ниточки, заставляя выполнять чьи-то команды.

Рада громко сглотнула, вспомнив прежние кошмары. Наклонившись к дровам, она взяла полено и тут же дернулась от резкой боли — в палец впилась крупная заноза. Привычным движением Рада зажала палец между зубами. Но на языке тут же почувствовался не привычный солоноватый металлический привкус, а что-то горькое, словно дикий миндаль. К занозам она привыкла с детства, поэтому не придавала особого значения и продолжила укладывать дрова.

Торопливо укладывая поленья, она стараясь не смотреть в тёмный угол за печкой. Но что-то холодное и слизкое ухватило её за щиколотку, как только она попыталась уйти.

Опустив взгляд, Рада застыла от ужаса: из-под кучи дров вытянулась чёрная, костлявая рука с длинными изогнутыми пальцами, покрытыми чешуйками. Скользкие пальцы сжали её ногу с нечеловеческой силой, пытаясь сломать кость.

На руках встали дыбом волосы, а по спине пробежала дрожь, оставляя после себя капельки ледяного пота. Из-за спины тут же раздался хриплый шепот:

«Ты вернулась! Иди ко мне!»

Рада вскрикнула, пытаясь вырваться, но костлявая рука держала крепко. На её крик обернулась только баба Женя, с черными провалами вместо глаз.

— Что ж ты кричишь, деточка? Разве ты не знала, что в этом доме тебя давно поджидали? — прорычала старуха.

От этого взгляда у Рады подкосились ноги. В груди всё сжалось так, что свело мышцы спины.

А вот лицо старухи оставалось абсолютно спокойным — слишком спокойным, неестественно застывшим, словно маска.

В отличие от подруги, тётя Маруся и вовсе не замечала происходящего. Она продолжала складывать вещи с механической точностью, будто кто-то управлял ею на расстоянии.

Стальной ужас сковал тело Рады, но лишь на мгновение. В памяти тут же всплыли слова Дениса: «Когда тьма пытается поглотить тебя, найди в себе свет. Собери его в ладонях — преврати в оружие». Рада стиснула зубы, вдохнула поглубже и призвала собственную силу для защиты. Её ладони вспыхнули ярким светом, и из пальцев вырвались серебристозолотые тонкие нити. Теплы и светлые вихри заматались вокруг Рады, отталкивая тьму.

В комнате ощутимо похолодало. Костлявая рука, удерживающая Раду, тут же отскочила, словно обожженная кипятком. Баба Женя замерла. Её пустые глазницы сузились, а лицо искалось раздражением. Она подняла руку и попыталась направить на Раду вихрь тьмы. Но защита Рады разбила и эту атаку.

— Мы еще увидимся! — прошипела баба Женя, и её плечи обмякли, голова склонилась, а руки повисли безжизненно, словно кукловод отрезал свои нити.

— Рада, что с тобой?! — тётя Маруся будто очнулась от тяжёлого сна и кинулась к племяннице, обхватив её за плечи.

Рада уставилась себе под ноги. Больше ничто их не держало. У печки на полу — ни следа, ни тени, ни чёрной руки. Пусто.

Баба Женя тёрла виски и оглядывалась по сторонам, словно не помнила, как сюда попала. Рада поняла: старуха была не собой.

— Паука увидела, — негромко соврала Рада, не поднимая глаз.

— Что ж это было... — тихо пробормотала баба Женя, будто разговаривая сама с собой.
— Словно уснула стоя...

Маруся смотрела то на Женю, то на Раду, хмурясь.

— Ты как, Женя? В себя пришла?

— В порядке я, в порядке, — баба Женя махнула рукой, но голос предательски дрогнул.
— Головокружение, старость...

Рада знала: с тех пор, как вернулась в город, кошмары её не трогали. Но сейчас сомнений не было: она не спала. Не сон это был.

— Паука, говоришь? — баба Женя наконец встрепенулась и глянула на Раду уже посвоему, с привычной ворчливой теплотой. — Да ты и правда городской стала, девонька! — махнула рукой да улыбнулась.

— Наверное, — спокойно ответила Рада, и улыбка у неё вышла тихая, породному добрая. Она не хотела пугать тётю, хотела разобраться во всем сама. За последнее время она четко уяснила, что больше не хочет бегать от проблем, и готова встретиться с ними лицом к лицу. К тому же у нее теперь есть Денис — он всегда поможет и даже... защитит.

«Денис! — снова ёкнуло внутри у Рады. — Где ты сейчас?». Она не могла объяснить себе, почему в ней скопилась масса тревожности за него. Дурное предчувствие не давало покоя уже несколько дней.

— Ну что девоньки, солнце уже ушло за горизонт, а значит и нам пора выдвигаться.

Баба Женя застегнула сумку и направилась к выходу.

— Пойдем через узкие улочки, подальше от центра станицы, — скомандовала тётя Маруся. — Не за чем лишнее внимание привлекать! Люди нынче из без того чёрноротые.

Рада послушно взяла свою ношу, накинула рубашку и последовала за бабушками. Ей всё еще было не по себе, но она четко понимала — баба Женя ни при чем, в неё кто-то вселился. И Рада планировала разобраться с этим. Тётушки-старушки шли впереди, болтая о чем-то своём. Рада всегда умилялась с этой парочки. Баба Женя была сварливой, как классическая тёща из анекдотов, а тётя Маруся — полная её противоположность. Не то чтобы они сильно напрягали её, но все же не так она представляла себе теплые весенние вечера в прибрежной станице.

— Марусь, вот зачем ты меня этой дрянью напшикала? А вдруг кавалеров встретим, а от нас дурно пахнет?!

— Женя, это не дрянь! Это средство от комаров. А напшикала я тебя, чтобы тебя за мягкое место не покусали в поле. И какие тебе женихи? Ты у Митьки своего давно на кладбище-то была?

— Недавно. А что с ним станется? С места, знаешь ли, не сдвинется! А мне вот в сарае нужно дверь подбить. А некому.

— Я вот все удивляюсь, как он тебя столько вытерпел?! — усмехнулась Маруся.

— Да как-как! Карточка с его пенсией у меня же была. Вот и терпел.

Старушки засмеялись, и на душе Рады стало радостно и тепло. «Вот бы мне на старости иметь такую подругу! Чтобы она со мной и в поле, и на море, и на кладбище и рюмку настойки выпить могла!» — Рада сразу вспомнила про Ленку. Она очень дорожила их дружбой, но не разделяла мнения Ленки на счет своего будущего. В город Рада возвращаться не хотела.

Тем временем Денис скользил по Яви, словно тень. Он искал. Вынюхивал. Но никак не мог найти. Несколько раз он улавливал след Мары, но она ускользала. В тот день, когда Денис вытаскивал Раду из Нави, она ускользнула через открытый портал. И с тех пор он никак не мог её отыскать и вернуть в Навь. Но оставить её безнаказанной, он не имел права. Она позарилась на его проводника. На его Раду.

«Ах ты ж Навье отродье! Ты не можешь скрываться вечно! Тебе нужно питаться! Рано или поздно ты вернешься в Навь, и Морок поглотит тебя!» — размышлял Денис. Он также

понимал, что она сама она не способна столько продержаться в мире людей. Чтобы низший дух столько продержался в Яви, и не попался Велесу, требовалась могучая сила. Ей кто-то помогает. Кто-то сильный.

Он проверял каждый злачный закуток, каждое истончение границ между мирами, шел по следу людских кошмаров, ночных криков и воплей. Но никак не мог поймать.

Обессиленный недельными поисками, он опустил под своей ивой, чьи ветви мирно лежали на водной глади. Зеленоватый лиман излучал целебную прохладу, которая помогала Веселу восполнить силы. Он позволил клубившимся в камышах змеям оплести его ноги, запрокинул голову к стволу и закрыв глаза обмяк. Его тело даже не дрожало — он был изнеможен. Капельки пота скатывались по вискам, оставляя на лице соленые дорожки. Его руки бессильно раскинулись вдоль тела и лежали неподвижно.

Ему снились сны. Цветные и чёрно-белые. Снилось Рада, улыбающаяся солнечному дню. Снились и её родители — только лиц он их не видел — просто знал, что Рада их дочь. Они держали её, не отпускали к нему. Очнувшись от ночного бреда, Денис поднялся качаясь, и побрел к оставленной вдоль дороги машине. Ему нужно было поесть и привести себя в порядок. До рассвета оставалось около семи часов, и он мог потратить их на отдых. А с наступлением дня он должен был предстать перед Правью.

Ступая вслед за тётушками, Рада и не заметила, как они вышли на окраину станицы. Перед ней раскинулась дорога, уходящая вдаль на трассу, а по обе стороны простирались ароматные и цветущие степи. Ночная прохлада пробирала сквозь хлопковую рубашку, которую Рада символически накинула на плечи, только чтобы тётка не ругалась.

Весь месяц стояла теплая погода, поэтому из крайних домов доносились густые и упоительные ароматы сирени и нарциссов. Перед девушкой расстилались буйные невозделанные степи — бескрайние, живые, дышащие весной. Они бодрили взгляд обилием диких трав и цветов. Воздух был пронизан тонким, едва уловимым ароматом дикого миндаля и чубушника — сладким, но не приторным, с лёгкой горчинкой.

Рада подняла голову к небу — хоть звездная россыпь и освещала путь, но ноги Рады все равно подворачивались на кочках и комках.

Иногда, проваливаясь в дебри памяти, Рада вспоминала своё состояние, когда мчалась в станицу из душного города. Её словно тянуло что-то сюда. И не просто в станицу, а именно к Денису. Хотя между ними были исключительно товарищеские отношения, она воспринимала его как наставника, если можно так выразиться. Именно он не давал ей сойти с ума в потоке всех видений, чувств и способностей, которые ей открылись после принятия дара Радуниты.

Сейчас, проводя с ним почти каждый день, она замечала, как он смотрит на неё. Размерно, умиротворенно и как-то по-братски. Ей было спокойно с ним, по-домашнему. Словно она всегда должна была быть здесь и с ним. Впервые за долгие месяцы, здесь, в станице, рядом с Денисом, она почувствовала себя счастливой и свободной.

— Пришли, девоньки, — шёпотом подытожила тётя Маруся.

Рада огляделась по сторонам — они остановились посреди непаханого поля. Высокая трава, густая и упругая, щекотала ей поясницу. Каждый порыв ветра заставлял её склоняться, создавая мирные волны, которые катились до самого горизонта. Рада провела рукой по стеблям — они были упругими, чуть колючими, и живыми. Шелест молодой травы смешивался с назойливым цоканьем сверчков.

— Рада, давай-ка сюда сумку свою, — баба Женя поманила девушку рукой.

Хоть сейчас бабка выглядела абсолютно нормальной, Рада всё же оставалась напряженной и постоянно оценивала поведение бабы Женю и оглядывалась по сторонам. Её недавняя встреча с тёмной сущностью всё ещё отзывалась дрожью внутри.

— Рада, — начала тётя Маруся, — когда плетешь венок в честь Дня Земли, нужно быть как можно ближе к ней. Ты, детка, или разувайся и ставай на землю босыми ногами, или выбери местечко полысее, и присаживайся.

Стоять босыми ногами на сырой земле, Рада не решилась. Она повертелась вокруг себя, и заметила неподалёку небольшой лысоватый от травы пригорок. Прощупав ногами землю, она осторожно присела, чувствуя, как земля слегка пружинит под пятой точкой. Старушки же по всем традициям разулись и приготовились плести стоя.

— За основу берём пучок из 3–5 цветов с достаточно длинными стеблями, — начала пояснять тётя Маруся, и её голос звучал торжественно. — Рвем с поля свежие колосья. Выбирать нужно крепкие и здоровые побеги, чтобы венок получился сильным.

Рада послушно достала из сумки несколько васильков и три крупные ромашки. Оглядевшись по сторонам, она заметила молодые колосья травы, колышущиеся на ветру, и аккуратно сорвала несколько штук, чувствуя, как земля отзывается на её прикосновения.

Тётя Маруся внимательно наблюдала за племянницей, в её глазах читалось одобрение, а на лице играла легкая улыбка. В воздухе витало ощущение чего-то древнего и таинственного, словно сама земля следила за их действиями.

— По одному прикладываем травяные стебли к цветам и по спирали обматываем цветочную основу пучка, и приговариваем, развернувшись на восток: *«Мать Сыра-Земля! Уйми ты всякую гадину нечистую от приворота, оборота и лихого дела»*.

Не то чтобы Рада не верила в подобные традиции, но ей было немного не по себе. Она четко понимала — тётя дурного не затеяла бы, поэтому нужно прислушаться и делать как правильно. Собравшись с мыслями, Рада принялась за работу. Её пальцы слегка подрагивали, переплетая стебли молодой травы в основу для венка. Шепча под нос слова тёти, она чувствовала, как с каждым движением успокаивается.

— Теперь берем ветки мяты и добавляем зелени в венок, — продолжила учить племянницу Маруся, — кладем ветку ближе к цветам и так же по спирали обвязываем основу венка. А чтобы весь венок лучше держался, между цветами и зеленью укрепляем его льняными нитками.

Рада старательно обвязывала венок, чтобы он не распался. И вроде как у неё даже получалось. Тревожные мысли за бабу Женю постепенно отступали, уступая место сосредоточенности на творческом процессе.

— Девоньки, поворачиваемся на запад и приговариваем: *«Мать Сыра-Земля! Поглоти ты нечистую силу бездны кипучие, восмоли горючую»*. — Голос тёти Маруси становился мягче, размереннее.

— Теперь добавляем в венок цветов и колосьев пшеницы — стебли должны быть прикрыты. Обматываем нитками, наполняем мятой.

По мере плетения у Рады получался весьма красивый и ароматный венок. Мята и молодые стебли травы излучали свежесть и легкую прохладу, а ромашки излучали теплый весенний аромат.

— Разворачиваемся на полдень, продолжаем плести и приговариваем: *«Мать Сыра-Земля! Утоли ты все ветры полуденные со ненастьем, уйми пески сыпучие со метелью»*. Следите, чтобы по бокам были вплетены колосья пшеницы! Это к плодородию!

Рада внимательно следила за каждым движением тёти, впитывая её мудрость и советы. Её пальцы, сначала немного неуверенные, теперь двигались ловко и четко. Она чувствовала, как с каждым новым витком венок обретает особую силу. С каждой веточкой, с каждым стебельком, венок Рады становился все крепче и красивее. Она поймала себя на ощущении покоя и умиротворения.

— А теперь на полночь: *«Мать Сыра-Земля! Уйми ты ветры полночные с тучами, удержи морозы с метелями»*, — шептала тётя Маруся, и казалось, что каждая травинка в поле колыхалась в такт её словам.

Несколько раз Рада прикладывала венок к голове, чтобы замерять нужную длину. А когда доплела до нужного диаметра, взяла цветные ленты и связала оба конца венка. Нанизывая зеленые и оранжевые деревянные бусы на ленты, Рада непроизвольно вспомнила как Мокошь в ту ночь, под яблонями в саду тётки, плела из нескольких серебристых нитей сложный узор чьей-то судьбы.

Рада помнила наставления тётки, и с завершающими узелками мысленно обратилась к богине судьбы: «Мокошь, великая пряжа судеб, услышь мою молитву. Как ты сплетаешь нити жизни, так и я прошу — сплети для меня нить счастья. Пусть будет она прочной, как этот венок, и яркой, как эти цветы. Хочу быть счастливой!»

В этот момент венок словно ожил в её руках — каждый листик шевельнулся, а цветы расправили свои лепестки. Рада почувствовала, как каждый стебелек, каждый лепесток и каждая лента, наполнились древней силой, и объединились не просто в украшение, а в настоящий оберег счастья.

Когда последний из трёх венков был завершён, тётя Маруся окинула взглядом их работу. Её глаза светились удовлетворением — все венки получились красивыми и крепкими. При этом — каждый был уникальным и хранил в себе частичку души мастерицы.

— Ну вот, девоньки, дело сделано, — тихо произнесла она, словно боясь нарушить священность момента. — Теперь можно и домой возвращаться.

Все трое двинулись обратно к станице, негромко переговариваясь и бережно держа свои венки. Перед выходом из степи, Рада вдохнула полной грудью — воздух был наполнен ароматом свежескошенной травы, цветов и мяты. С чувством выполненного долга и полного умиротворения, она шагала за старушками и любовалась своим творением.

Проснулась Рада внезапно, словно кто-то стоял рядом. Но в комнате никого не было. В доме стояла абсолютная тишина, лишь изредка нарушаемая стрекотом сверчков за окном. Но что-то было не так... Она прислушалась к тишине дома и к своим ощущениям. Она кожей чувствовала чье-то присутствие. Холодное и внимательное. Оно не вызывало паники, но заставляло волоски на руках встать дыбом.

Рада лежала неподвижно, вслушиваясь в ночь. Взгляд её невольно обращался к окну — туда, где во дворе таилась неизвестность. За время, проведенное в доме тётки, она научилась различать оттенки страха и тревоги. Это было не то леденящее чувство, что охватывало её раньше. Сейчас же она ощущала скорее настороженное любопытство. Она тихонько встала с постели, и стараясь не скрипеть деревянными половицами, накинула махровый халат и вышла во двор. Любопытство её не подвело.

Лунный свет окутывал цветущие яблони, вырисовывая в его призрачном сиянии величественный женский силуэт. Богиня стояла неподвижно, держа в руках прялку, от которой тянулись серебряные нити. Сегодня её лунно-серебристые волосы были сплетены в широкие косы, а на голове красовался древний убор с рогами — символ власти над лунными циклами и плодородием земли. Длинное платье в пол, расшитое багряными и коричневыми геометрическими узорами, струилось вокруг её фигуры, напоминая о вспаханных полях и засеянных нивах. Каждый узор на её одеянии рассказывал свою историю — историю о рождении и росте, о жизни и судьбе.

— Доброй ночи! — Рада первой нарушила тишину.

— Здравствуй, Рада! — Мокошь подняла на неё свои бездонные глаза, в которых играли блики луны. — Вижу, ты сделала свой выбор.

— Да! — выпалила Рада, громче, чем хотела, но взгляда не отвела.

— Я и не сомневалась, — с лёгкой улыбкой произнесла богиня, и её серебристые косы заблестели ещё ярче. — Твой венок прекрасен, он тронул моё сердце. Но твоя молитва... — Мокошь отложила прялку и медленно приблизилась к девушке. — Что для тебя счастье?

Рада сложила руки в замок на груди, будто пытаясь удержать внутри дрожь.

— Ну что же ты молчишь? — голос богини звучал мягко, но в нём ощущалась древняя сила.

— Я... я никогда не знала своих родителей, — наконец тихо призналась Рада, опустив глаза. — Мечтала бы узнать о них хоть что-то. И... как все девушки, хочу встретить настоящую любовь. — Она смущённо пожала плечами, словно извиняясь за самое обычное желание.

Мокошь долго смотрела на неё, будто видела не только слова, но и все невысказанные страхи.

— Твоё желание чисто, — наконец промолвила богиня. — Но помни: путь к счастью лежит через испытания, а мои нити не всегда сплетаются так

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.